

Монастырь Святого Амброзия, Нормандия,
осень 936 года

Настоятельница монастыря смотрела на раненого юношу. Она уже поверила в то, что он мертв. Из огромной раны в груди вытекло много крови, по краям образовалась черная корка. С кровью дух людской выходит из тела. Настоятельница уже хотела попросить кого-нибудь из монахинь открыть окно, чтобы обездоленная душа могла найти путь на небо, но тут грудь раненого едва заметно приподнялась. Его рот приоткрылся, и юноша, хрипя, натужно втянул в себя воздух. Не только настоятельница, но и двое монашек испуганно отпрянули. Одна из сестер перекрестилась.

Их вопли отвлекли настоятельницу от молитвы в часовне. Там она вела разговор с Богом, прося Всевышнего даровать ей силы для управления монастырем. Иногда она благодарила Господа за хлопоты, отвлекавшие ее от мрачных мыслей, но временами ей трудно было принимать решения. Так произошло и сейчас, когда настоятельница узнала о случившемся: сестры сказали ей, что у ворот потерял сознание какой-то юноша. Паренок был ранен. Видимо, лишь ценой невероятных усилий ему удалось добраться до монастыря Святого Амброзия. Вначале никто не решался коснуться его, ведь это был мужчина, к тому же еще

и незнакомец. Но вскоре сестра Портария, привратница, сжалась над ним и распорядилась, чтобы юношу отнесли в комнату для кровопусканий.

Это было круглое помещение без окон, расположенное рядом с купальней и выходом в сад, где росли целебные травы. В комнате для больных теплее, ведь там пол был не земляным, а каменным, но комната для кровопусканий ближе к воротам. Хотя идти было недалеко, монахиням нелегко было нести раненого. И дело было не только в его весе. Женщин мучили угрызения совести, ведь им казалось, что они совершают дурной поступок. Обычно в монастырь не заходили мужчины, не считая разве что монахов из соседнего монастыря, да и те появлялись здесь лишь для того, чтобы прочитать проповедь и принять исповедь. К тому же если речь шла об исповеди, другая монахиня должна была непременно следить за исповедующейся, чтобы та не оставалась наедине с мужчиной, пускай это и был человек Церкви, пришедший сюда принять покаяние. И только если болезнь поражала какую-то из сестер, она могла поговорить со священником или монахом с глазу на глаз, ибо тело ее было слишком слабо, чтобы подвигнуть на грех.

Что ж, этот раненый тоже был слишком слаб, чтобы вводить в искушение здешних монахинь. К тому же он не сам пришел в монастырь. Его принесли.

— Что же нам делать? — спросила одна из монахинь, Матильда.

Ее била мелкая дрожь, голос звучал еле слышно. «Я тоже когда-то была такой, — подумала настоятельница. — Беспомощной, оторванной от жизни, слабой». Она расправила плечи, чтобы скрыть смятение.

— Он жив. Возможно, жить ему осталось недолго, но сейчас он дышит, — сказала она. — Мы должны позаботиться о нем: остановить кровотечение и зашить рану. — Настоятельница отвернулась от больного. — Позовите сиделку, пускай она принимается за работу. И скажите сестре-келарю, чтобы она подогрела ежевичное вино с медом!

Конечно же, раненый был слишком слаб, чтобы отпить хотя бы глоток, но сестра-привратница торопливо закивала головой и выскочила из комнаты.

Настоятельница склонилась над юношей. Его веки были полуопущены, лоб нахмурен — может, из-за боли, истязавшей это несчастное создание, а может, из-за того, что обморок не подарил раненому спасительного забвения, а принес лишь кошмары.

«Откуда же эта рана?» — думала настоятельница. Возможно, на юношу напал дикий зверь или — эта мысль страшила ее еще больше — человек. Сейчас, когда несчастный лежал перед ней, он являл собой жалкое зрелище, но был статным и высоким — одним из самых рослых людей, каких ей когда-либо доводилось видеть, хоть и не отличался крепкими мускулами, как те, кто зарабатывает на жизнь тяжелым трудом или же сражениями. Лицо юноши было пугающе бледным, тонкий нос заострился, пухлые губы побелели. Настоятельница осторожно откинула капюшон, скрывавший его голову. Присмотревшись к густым каштановым волосам, она заметила кое-что необычное.

— О Господи! — выдохнула Матильда, указывая на темя раненого, покрытое дорожной пылью... и выбритое налысо.

— Он скорее всего монах! Или по крайней мере послушник! — воскликнула настоятельница, хоть ей и не пристало говорить с такой горячностью.

Матильда кивнула. Она также не понимала, почему на голове у раненого тонзура, но при этом он не одет в монашескую рясу. На юноше была одежда крестьянина — штопаные, а теперь и залитые кровью льняные штаны, плотные чулки, тугие портянки, перевязанные на лодыжках веревкой. Накидку из куньего меха скрепляла тусклая брошь, растрескавшаяся сума на поясе была сделана из плохонькой кожи. Подошвы на ботинках прохудились. Прежде чем добратся до ворот монастыря Святого Амброзия, юноша шел много часов.

Настоятельница вздохнула. Сейчас ей хотелось бы остаться в тишине часовни.

— Как вы думаете, он спасался от... от... от... — Сестра Матильда замялась.

Всю свою недолгую жизнь эта девушка провела в стенах монастыря — она попала сюда совсем еще крохой. Но хотя мирская жизнь была чужой для Матильды, даже до нее дошли слухи о людях из далеких языческих стран, людях, сеявших смерть в королевстве франков. Этих людей называли норманнами. Многие из них уже давно поселились на здешних землях, приняли христианство и стали крестьянами, но вот в соседней Бретани, по слухам, было множество разбойников, нападавших на монастыри и набивавших свои мрачные пещеры награбленными богатствами.

— Мы не должны делать поспешных выводов, — с деланным равнодушием произнесла настоятельница.

Но Матильду было не так просто успокоить.

— Если он спасался от норманнов, то вскоре они нападут и на наш монастырь! — запричитала она.

— Вот уже много лет между норманнами и франками царит мир, — осадила ее настоятельница. —

Кому это знать, как не мне? Помни, дитя, что если ты даешь волю страху, то душа твоя открывается дьяволу, а ведь он только и ждет, когда твоя вера в Господа нашего пошатнется.

Конечно, настоятельница не сказала девушке, что и сама сейчас испытывает страх, пусть и не перед норманнами. Она боялась сделать что-нибудь не так. Если сестра, сведущая в лечении, не придет немедленно, юноша истечет кровью. Настоятельница опустила на колени на холодный пол. Стараясь не касаться кожи незнакомца, разгоряченной от быстрого бега, а может, уже похолодевшей в преддверии смерти, настоятельница осторожно раскрыла рубашку у него на груди. Там зияла глубокая кровоточащая рана.

В комнате раздался крик, эхом отразившийся от стен. Настоятельнице подумалось, что это завопила Матильда, да и кто еще мог настолько потерять самообладание? Но уже через мгновение мать-настоятельница почувствовала, как болит ее горло, как саднит что-то глубоко в груди. Нет, это кричала не Матильда.

Монашка перекрестилась. Ее испугал не столько вид раны, сколько странное поведение всегда такой спокойной матушки.

Настоятельница не сводила глаз с амулета на груди у юноши. Всего мгновение назад этот амулет был закрыт льняной тканью, теперь же он поблескивал прямо рядом с раной.

Матушка настоятельница сразу же узнала его. Это был не просто амулет.

Это был... ее амулет.

Настоятельница судорожно сжала руки и закусила нижнюю губу, стараясь не кричать.